

RU

Репрезентация этнических меньшинств в шведском социальном детективе (на материале романов Ч. Экман и Л. Марклунд)

Коновалова М. А.

Аннотация. В статье рассматриваются образы саамов и турнедалских финнов в шведских криминальных романах. Цель работы состоит в выявлении особенностей конструирования образов национальных меньшинств в социальном детективе. Материалом исследования послужили романы Ч. Экман «Происшествия у воды» (1993) и Л. Марклунд «Полярный круг» (2022). В рамках исследования были проанализированы образы главных героев романов, выделены их сходства и различия. Научная новизна заключается в определении структуры образа представителей национальных меньшинств, а также его эволюции на материале романов, которые к настоящему моменту еще не становились предметом исследования отечественных филологов. В результате установлено, что образы меньшинств в исследуемых произведениях отражают глубокую травму как итог ассимиляционной политики Швеции XIX-XX вв., которая проявляется в утрате языка, разрыве культурной преемственности и кризисе самоидентификации. Национальные языки представляются как ключевые символы утраченной идентичности, а фрагменты традиционной культуры играют роль осколочных напоминаний о былой целостности. При создании образов авторы прибегают к стереотипизации, однако стереотипы подвергаются деконструкции.

EN

Representation of ethnic minorities in the Swedish social detective novel (based on the novels of Kerstin Ekman and Liza Marklund)

M. A. Konovalova

Abstract. The paper examines the images of the Sami and Tornedalians in Swedish crime novels. The aim of the work is to identify the features of constructing images of national minorities in the social detective novel. The research material consisted of the novels “Blackwater” (1993) by Kerstin Ekman and “The Polar Circle” (2022) by Liza Marklund. As part of the study, the images of the main characters of the novels were analyzed, and their similarities and differences were highlighted. The scientific originality lies in determining the structure of the image of representatives of national minorities, as well as its evolution based on novels that have not yet been the subject of research in Russian philology. As a result, it was found that the images of minorities in the studied works reflect a deep trauma as a result of the assimilation policy of Sweden in the 19th-20th centuries, which manifests itself in the loss of language, the rupture of cultural continuity, and the crisis of self-identification. National languages are presented as key symbols of lost identity, and fragments of traditional culture play the role of splintered reminders of past integrity. When creating images, the authors resort to stereotyping, but these stereotypes are deconstructed.

Введение

Среди произведений современной литературы уже в течение нескольких десятилетий одну из лидирующих позиций занимает жанр детектива, широко представленный в разных странах. Зачастую детектив становится формой, с помощью которой авторы получают возможность обратиться к актуальным проблемам, одна из которых – утрата национальной идентичности или даже полное уничтожение национальных меньшинств, являющиеся следствием глобализационных процессов. Таким образом, актуальность исследования определяется растущим вниманием современного литературоведения к проблемам репрезентации этнических меньшинств, в том числе саамов и турнедалских финнов в Швеции.

Для достижения цели исследования необходимо решить несколько задач. Во-первых, важно реконструировать историко-культурные предпосылки формирования образов национальных меньшинств в шведской литературе. Во-вторых, необходимо выявить степень стереотипности представления внешнего облика героев в литературном произведении (на примере детективных романов Ч. Экман и Л. Марклунд). В-третьих, требуется исследовать роль языка как маркера национальной идентичности в этих произведениях. Наконец, следует изучить роль элементов традиционной культуры в предложенных текстах.

Ключевыми методами исследования, примененными в данной работе, являются: сравнительно-сопоставительный метод, который позволяет выявить сходства и различия в репрезентации образов этнических меньшинств у Ч. Экман и Л. Марклунд; имагологический метод, направленный на анализ структуры художественных образов представителей национальных меньшинств; а также историко-культурный метод, использованный для реконструкции исторических предпосылок формирования образов.

Теоретическая база для исследования – работы Д. В. Кобленковой (2010; 2022), О. Ю. Осьмухиной (2023), О. В. Тихоновой (2014), Е. А. Дорофеевой (2022), А. В. Вулис (1978), посвященные скандинавскому и, в частности, шведскому детективу, которые позволили определить специфику данного жанра, ставшую основанием для раскрытия актуальных социальных проблем. Важнейшую роль в рамках данного исследования сыграли статьи М. Л. Новиковой (2017), А. Р. Ощепкова (2010), Ю. С. Степанова (1997), В. А. Хорева (2005), посвященные имагологии, гео- и этнопоэтике и представляющие особенности образов наций, а также И. В. Романовской (Romanovskaya, 2024), которая уже исследовала специфику северной литературы Швеции. Кроме того, мы обратились к трудам зарубежных исследователей Е. Бодроги (Bodrogi, 2020), А. Данкус (Dancus, 2022), П. Броманс (Broomans, 2023), Й. Риданпяа (Ridanpää, 2018), изучивших как историю, так и современный статус этнических меньшинств Швеции, репрезентация образов которых и стала объектом анализа в данной работе.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты двух детективных романов Черстин Экман и Лизы Марклунд – признанных современных писательниц. Ч. Экман считается «королевой шведского детектива», чью книгу «Происшествия у воды» (1996) Д. В. Кобленкова называет «одним из лучших образцов психологического детектива» (2010, с. 142). В романе параллельно ходу расследования представляется положение национальных меньшинств и другие значительные эпизоды истории Швеции середины XX века. Л. Марклунд также признана «одной из самых успешных писательниц детективного жанра» (Дорофеева, 2022, с. 381). В книге «Полярный круг» (2022) автор старается «оглянуться назад, обратиться к своему прошлому» (Дорофеева, 2022, с. 381). Таким образом, мы видим весомую роль исторического фона в обоих произведениях.

Практическая значимость работы: материалы настоящего исследования могут быть использованы в образовательной практике и интегрированы в курсы по зарубежной литературе, межкультурной коммуникации, социологии и культурологии. Кроме того, полученные выводы могут быть полезны в проектах, посвященных истории и культуре национальных меньшинств, а также при разработке учебной литературы и курсов по смежным дисциплинам.

Обсуждение и результаты

Исследователи, обращавшиеся к изучению детективной литературы северных стран, выделяют в ней ряд общих характерных черт, но также можно определить особенности этого жанра и в рамках национальных литератур. О. В. Тихонова характеризует современный скандинавский детектив следующим образом: «Внимание к проблеме личности, особая роль и характер пейзажа в повествовании, “камерные” ракурсы конфликтов дополняются у авторов более поздних десятилетий (“нового рубежа”) сложным (порой даже изощренным) психологизмом, “личностным” тоном повествования, концентрацией на мрачной, мистической или роковой атмосфере, мифологическими и литературными реминисценциями, актуализацией разных аспектов “северной” идентичности» (2014, с. 156). Именно вопрос «северной» идентичности станет для нас важнейшим в данной статье, при этом мы обратимся к «северу» не в широком понимании, а в узком, и рассмотрим специфику идентичности северного региона Швеции – Норрланд. В связи с тем, что идентичность является результатом взаимодействия нескольких факторов, остановимся на каждом из них подробнее.

В первую очередь необходимо сосредоточиться на физическом, географическом пространстве, так как место определенным образом влияет на формирование личности, и наоборот: «Пространство всегда воспринимается как феномен, существующий вокруг человека, который наблюдает за происходящим, именно поэтому пространство в художественном произведении антропоцентрично: в его центре находится человек» (Новикова, 2017, с. 116). Северные провинции Швеции характеризуются суровым климатом, довольно скудной природой: это место прекрасно, но оно, несомненно, бросает вызов человеку, вынужденному не просто жить, но выживать в таких условиях. Особенно яркой специфика севера кажется в контрасте с центральными и южными плодородными регионами. Полярность заметна как в климате, так и в близости к европейской культуре и обществу, цивилизации. Таким образом, для этого региона особую роль приобретает «концепт фронта – удаленности, не только территориальной, но и ментальной, задающий общий вектор осмысления образа Севера» (Romanovskaya, 2024, р. 332). Кроме того, по словам О. Ю. Осьмухиной, «действие практически всех романов, причисляемых к “скандинавскому (нордическому) нуару”, происходит отнюдь не в городе, но в провинции» (2023, с. 253). В связи с этим произведения, описывающие происходящие в Норрланде преступления и следующие за ними расследования, можно с уверенностью отнести к нордическому нуару, так как по причине малонаселенности значительную часть северной Швеции составляют небольшие поселки, деревушки и даже отдельные хутора, в отличие от урбанизированного юга.

В результате жизни в тяжелых природных условиях и удаленности от цивилизации формируется особая личность – «человек Севера», которому дает характеристику И. В. Романовская: «В Человеке Севера ярко выражено природное начало: он живет по законам природного, дикого мира; в то же время он пытается “вписаться” в цивилизованный мир. В произведениях шведских авторов Человек Севера ассоциируется с концептами выживания, борьбы и силы» (Romanovskaya, 2024, p. 334). Эти черты мы находим и у героев Ч. Экман и Л. Марклунд. Отличительной особенностью образов, которые станут предметом нашего исследования, является их принадлежность к национальным меньшинствам Швеции – саамам и турнедалским финнам.

История этих народов заслуживает особого внимания, так как сегодня восстановление их традиционной культуры, а также статуса населения оказывается насущной проблемой. Как было отмечено ранее, одной из специфических черт шведского детектива является обращение к социальным проблемам современного общества: Д. В. Кобленкова указывает, что шведский детектив возникает «в 1960-х годах как поджанр социальной литературы» (2022, с. 77). Исторический путь этнических меньшинств Швеции долог, тяжел и глубоко травматичен. Лишь недавно, в конце XX века, СМИ, литература и кинематограф начали привлекать внимание к их непростой судьбе, открывать в течение десятилетий утаиваемую правду, говорить о необходимости возрождения народности и предпринимать активные действия. Причиной притеснения меньшинств стала, как пишет Е. Бодроги, «систематическая ассимиляционная политика Швеции в XIX–XX веках. В основе этой политики лежали идеологии национализма и социального дарвинизма, возникшие в XIX веке» (Bodrogi, 2020, p. 68). В результате люди испытывали чувство стыда за принадлежность к определенной – не шведской – нации (Dancus, 2022, p. 262). П. Броманс был выдвинут тезис о трех поколениях меньшинств: «...первое поколение характеризуется молчанием и стыдом, в то время как второе поколение переживает потерю языка и идентичности, а также стыд, при этом межпоколенческая передача языка и национальной идентичности явно прерывается» (Broomans, 2023, p. 505–506). Третье, современное нам поколение посвящает себя возрождению утраченной национальной идентичности. Как Ч. Экман, так и Л. Марклунд представляют читателю личности, принадлежащие ко второму поколению, – утратившие язык и идентичность, ищущие и не находящие свое место в мире.

В образах Экман и Марклунд можно выделить общие элементы, которые характеризуют как наружный, так и внутренний облик героя: это особенности внешности, имена и фамилии, нехарактерные для шведов, дистанцированность от национального языка, осколочные знания о культуре своего народа, а также ощущение чуждости. Обратим внимание, что эти элементы встраиваются в достаточно сжатые, лаконичные рамки «маски» героя, характерной, по мнению А. В. Вулиса, для жанра детективного романа: «...характер-конспект, характер-эскиз максимально соответствует образной структуре детективного жанра» (1978, с. 247). Требование жанра к лаконичности образов объясняет привлечение авторами стереотипных представлений о нации. Такие «стандартные, устойчивые, малоподвижные представления об иной лингвокультуре (ином этносе) и ее носителях» (Иванова, 2016, с. 76) проще вычлениваются читателем из всей образной системы. Они позволяют унифицировать «представления об этнических и общественных группах, институтах и явлениях культуры, личностях, событиях и т. д. и обладают исключительной силой убеждения и инерции благодаря удобству и легкости их восприятия и использования» (Хорев, 2005, с. 9). Мы видим, что в данном случае необходимость формирования лаконичного детективного образа гармонично сочетается с необходимостью представления лаконичного же стереотипа. Однако прежде чем мы рассмотрим образы более пристально, стоит оговориться: в своих произведениях, являющихся «зеркалом социальных проблем», авторы, привлекая внимание к вопросу положения национальных меньшинств, подвергают устоявшиеся стереотипы критике, заостряя взгляд на их несостоятельности и необходимости пересмотра.

Один из центральных персонажей романа «Происшествия у воды» Черстин Экман – сын лапландки Гудрун и шведа Торстена Юхан. Его образ предстает перед читателем, вырисовываясь постепенно, медленно открывая одну черту за другой. Впервые мы видим его взрослым, и единственная особенность, на которую обращено внимание, – волосы, «по-настоящему темные и прямые» (Экман, 1996, с. 5). Впоследствии мы погружаемся в детство героя, где автор делает акцент на бледности его лица, снова упоминает «черные жесткие волосы», а также добавляет «узкие карие глаза» (Экман, 1996, с. 14). Экман также замечает, что Юхан был больше похож на мать-лапландку, чем на отца-шведа. Это становится причиной сомнений Юхана в родстве с Торстеном. Юхан долгое время считает себя сыном саама, чей образ запомнился ему еще с детства и с которым у него много общего. «Высокий мужчина. Оранжевый анорак и изношенные черные кожаные штаны. Пояс с серебряными заклепками и нож в кожаных ножнах. Это был самый большой нож, который он когда-либо видел, лезвие было сильно изогнуто к острию. Мужик снял шапку и положил ее на сиденье скутера. Черные волосы. Казалось, что пряди у висков серебрились. В ярком свете – узкие щели глаз, внутри них было темно» (Экман, 1996, с. 10), – видим, что внешний облик саама представлен крайне стереотипно. Кроме того, подчеркивается его «нетипичность» для шведов, саам воспринимается чужим: вспоминая встречу с Юханом, Анни даже называет его вьетнамцем, ведь у вьетнамцев такие же нехарактерные для скандинавов темные прямые волосы и узкие карие глаза. Противопоставление своих и чужих, как отмечал Ю. С. Степанов, «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (1997, с. 126), чем и объясняется важнейший акцент на «чужеродности» саамов. Данный факт имеет серьезное значение и для детективной линии: обвинить в убийстве чужака оказывается легче, чем сородича, так как человек по отношению ко всему чужому настроен изначально враждебно.

Несмотря на близость к саамам на физическом уровне, духовно Юхан далек от них. Так, он ничего не понимает, когда мать разговаривает на южносаамском, лишь различает отдельные слова: «...потом они говорили

друг с другом по-южносаамски. Юхан с трудом мог уловить одно слово из десяти и глубоко смутился, когда длинный что-то ему сказал, а он не мог ответить» (Экман, 1996, с. 11). В данном случае наблюдается наглядная иллюстрация к тезису о трех поколениях языковых меньшинств (Broomans, 2023, с. 505–506), согласно которому Юхан принадлежит ко второму поколению, утратившему национальный язык, а его мать – к первому, испытывавшему за язык стыд, вследствие чего язык становится своеобразным маркером боли. Опыт стигматизации языка подтверждается комментарием Гудрун о том, что в ее детстве по-саамски можно было «говорить только в сортире» (Экман, 1996, с. 249). В результате ее сын, воспитываясь в шведском обществе и в семье шведа, утрачивает язык своих предков. Сама Гудрун предрекает скорую «смерть» своему языку: «Это конец, Юхан. Насколько сотен человек. Северолапландский еще немного проживет» (Экман, 1996, с. 250), – говорит она сыну.

Тем не менее Юхан идентифицирует себя как саама, ведь его мать и, как он считает, отец принадлежат к этому этносу. Гудрун вспоминает, что в детстве Юхан мечтал об «антилоповых» штанах и «бредил про древние жертвенники нашего народа» (Экман, 1996, с. 249). Показательным кажется фрагмент, когда встретившаяся Юхану финка задает вопрос о богах его предков: герой не сразу находит ответ, лишь потом смутно припоминает информацию, полученную на уроках в школе. Как замечает А. Р. Ощепков, «нация – не есть идентичность (сущность), но идентификация (т. е. отношение, отождествление себя с определенными национальными мифами, интеллектуальными конструктами, которые лежат в основе ощущения принадлежности к нации и влияют на культурную и социальную практику той или иной нации)» (2010, с. 252). Мы видим, что Юхану эта идентификация дается с большим трудом ввиду отсутствия фоновых знаний об истории и культуре народа, и в результате это отражается на всей его жизни.

В финале романа Гудрун более подробно рассказывает о том, что раньше «быть лапландцем было так же стыдно, как иметь вшей или болеть туберкулезом» (Экман, 1996, с. 249). В ее воспоминаниях саамская культура равна бедности: «Знаешь, Юхан, что есть бедность и как это быть бедным? Бедная лопь. “Лапландки, лапландки, на штанах заплатки”, дразнились дети и поворачивались задом. Нет, Юхан. Никаких древних жертвенников. Не про это думали. Без электрического! И без джемпера с узорами и мойки из нержавеющей стали» (Экман, 1996, с. 249). Гудрун, сокрушаясь, говорит об утрате саамской идентичности, слиянии ее культуры со шведской: «Это не есть саамская культура. Это грубая. Это шведская. Они следят и гонят с вертолетов, и перевозят животных на летние пастбища на трейлерах. Они живут сейчас другой жизнью. Мы живем сейчас другой жизнью» (Экман, 1996, с. 250). В строках Черстин Экман чувствуется горькая ирония: несмотря на попытки сохранить древнюю культуру, собирать фольклорные песни, саамский народ утратил свою сущность, которую совсем непросто вернуть. Понимая это и чувствуя невозможность продолжения традиционной жизни, но и не желая довольствоваться «суррогатом», а также, вероятно, как и многие другие жители Швеции, поддавшись мысли о том, что на юге – в центре – лучше, Гудрун всем сердцем желает своему сыну покинуть этот суровый край: «Только бы у тебя был шанс отсюда вырваться!» (Экман, 1996, с. 251).

Итак, проанализировав образ Юхана, мы можем сделать промежуточный вывод: он становится ярким представителем «второго поколения» этнического меньшинства, которое содержит в себе черты как коренного народа – саамов, так и ассимилировавших их шведов. В результате образ становится синтетическим, объединяющим характеристики как «своих», так и «чужих». Обладая яркой стереотипной внешностью саама, Юхан носит шведское имя; идентифицируя себя с саамским народом, осознает, что ему недоступны ни язык, ни культура. В результате герой утрачивает связь с корнями, семьей, покидает место, где родился и вырос, однако не находит для себя нового дома.

Второе произведение, к которому мы обращаемся, – «Полярный круг» Лизы Марклунд. Этот роман был написан спустя почти три десятилетия после «Происшествий у воды», однако можно наблюдать сходства в построении некоторых образов. Так, мы снова сталкиваемся с семьей, представляющей этническое меньшинство Швеции – турнедалских финнов, – это одна из главных героинь Агнета Мякитало и ее мать Соня. Й. Риданпяя подчеркивает, что «привязка меньшинств к определенным регионам – это один из основных способов конструирования региональных стереотипов. Это можно увидеть, например, в том, как северные регионы ассоциируются с маргинальностью, а стереотипы, связанные с коренными группами и их “необычными” культурными характеристиками, такими как исчезающий язык, играли ключевую роль на протяжении нескольких столетий» (Ridanpää, 2018, p. 190). Подтверждение этого тезиса можно проследить в том, как автор репрезентует семью Мякитало. Портреты – еще более лаконичные, чем у Экман, но это можно объяснить особенностью индивидуального стиля Марклунд, продиктованного традициями жанра: с помощью тех или иных образов автор хочет «сосредоточить читательское или зрительское внимание на общественно значимой жизненной проблеме» (Вулис, 1978, с. 247). Описаниям внешнего вида уделяется значительно меньше внимания, однако то, что мы знаем об облике матери и дочери Мякитало – у обеих светлые волосы, – соответствует стереотипному образу финна, в то время как у остальных героинь волосы темные. Об их принадлежности к иной нации говорит также и фамилия, Марклунд даже раскрывает читателю ее значение: «“Мяки” означает “гора” на финском, а “тало” – “дом”. Стало быть, дом на горе» (2022, с. 209). Одна из подруг Агнеты, однако, не считает, что эта фамилия ей подходит: «Наоборот. Она живет на первом этаже в квартале Трэск в долине со своей мамашей, у которой маниакально-депрессивный синдром. Оказаться с ними в кафе – самое последнее в списке ее желаний на земле» (Марклунд, 2022, с. 210), – противопоставление «гора» – «первый этаж», а также пренебрежительный тон указывают на низкий социальный статус семьи Мякитало по сравнению с остальными героями, который впоследствии подтверждается информацией о том, что школьница Агнета вынуждена по ночам работать, чтобы обеспечивать семью.

Мать Агнеты – урожденная финка, и в их семейной среде сохраняются фрагменты финской культуры, например, традиционная кухня: «...одно блюдо называлось брjута: лепешка, раскрошенная в молоке с брусничным вареньем, второе – блjйта: тонкая лепешка, сваренная в молоке или бульоне, политая топленым маслом» (Марклунд, 2022, с. 287). В тексте подчеркивается, что Соня говорит не только по-шведски: «В квартире мама начала петь – громко и фальшиво. Похоже, на финском – или на меянкиели» (Марклунд, 2022, с. 138). Й. Риданпяя, исследуя путь развития меянкиели (язык турнедалских финнов), также отмечает, что до середины XX века в Швеции «использование финского не представлялось возможным. <...> Все ассоциируемое с финской идентичностью воспринималось как низкостатусное» (Ridanpää, 2018, p. 193). Л. Марклунд не уточняет, владеет ли финским или меянкиели Агнета, однако в противовес подчеркивает ее высокий уровень шведского языка: в школе по шведскому у нее пятерка, на заседаниях книжного клуба Агнета пишет лучше всех и, кроме того, она хочет стать писателем. В отличие от Юхана, у Агнеты кризис идентичности, связанный с утратой языка, выражен менее отчетливо, что может отражать как особенности авторского замысла (Марклунд менее подробно описывает внутренние переживания героев, чем Экман), так и изменение восприятия проблемы за прошедшие десятилетия. Мы можем лишь догадываться о том, что Агнета соотносит себя скорее со шведским обществом, чем с финским, опираясь среди прочего на ее интерес к культуре Швеции: «Мне вообще нравятся Шёваль и Валё, – начала было Агнета, но ее прервала мама, которая начала не то выть, не то петь йойк» (Марклунд, 2022, с. 139). Соня, как мы видим, напротив, демонстрирует приверженность национальной традиции, хотя в данном случае наблюдается их смешение: йойк относится не к турнедалской или финской, а к саамской музыке, хотя высоко ценится финнами. Стоит также заметить, что элементы национальной культуры (язык, пение, традиционная кухня) упоминаются в романе в контексте сложных жизненных обстоятельств Агнеты и психического состояния ее матери. Это потенциально может вызвать у читателя ассоциацию национальной турнедалской культуры с маргинальностью или патологией, хотя подобное прочтение может не соответствовать авторскому замыслу, а лишь подчеркивать тяжесть социального положения и личной драмы героев на фоне сохраняющихся предрассудков. Таким образом, мы снова наблюдаем своеобразную стигматизацию «иной» культуры, но, безусловно, уже в значительно меньших масштабах по сравнению с романом Экмана и, скорее, в личном отношении.

Агнета, как и Юхан, открыто не демонстрирует желания уехать из Стентреска, располагающегося далеко на севере, однако общую идею молодежи того времени выражает ее подруга: «Все мы уедем отсюда рано или поздно, <...> Ведь никто же не захочет остаться в этой дыре» (Марклунд, 2022, с. 383). Несмотря на то, что Марклунд описывает героинь и в зрелом возрасте, читателю не дано узнать, реализовала бы желание переехать на юг Агнета, так как именно она становится жертвой убийства, что долгое время остается тайной. Пропажа девушки остается незамеченной как широкой общественностью, так и близкими подругами – возможно, одной из причин этого становится «этническая невидимость» или же низкое социальное положение жертвы убийства. Спустя сорок лет после происшествия статус национальных меньшинств в Швеции – принципиально иной, и в то же время раскрывается правда о десятилетия назад произошедшем убийстве.

Подведем итог: в образе Агнеты Мякитало автор подсвечивает лишь отдельные детали, которые могут говорить как о ее происхождении (черты внешности, финская фамилия), так и о степени ассимилированности (прекрасное владение шведским языком, интерес к культуре Швеции). Решающую роль, однако, играет социальное положение, которое является своеобразным отражением статуса национального меньшинства в Швеции, его «невидимости», что в итоге приводит к оставленному без внимания преступлению.

Заключение

Проведенное исследование специфики репрезентации коренных народов (саамов и турнедалских финнов) в шведском социальном детективе на материале романов «Происшествия у воды» Ч. Экмана и «Полярный круг» Л. Марклунд позволяет сформулировать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами:

1. Исторический путь саамов и турнедалских финнов в Швеции характеризовался длительными периодами неприятия нации, дискриминации, что привело к утрате национальной культуры, идентичности и языка. Согласно модели «трех поколений», второе поколение переживает кризис идентичности наиболее остро – его представители почти не имеют национального культурного опыта, но ощущают утрату «корней». Именно это поколение становится предметом описания Ч. Экмана и Л. Марклунд в социальном детективе, который является способом обнародования актуальной проблемы и привлечения к ней внимания современного общества.

2. Образы представителей национальных меньшинств оба автора выстраивают подчеркнуто стереотипно: делают акцент на их чужеродности, используя маркеры «инаковости». Такими маркерами становятся как отдельные черты внешнего облика (узнаваемые стереотипы, например, «черные прямые волосы» и «узкие карие глаза»), так и традиционные фамилии. В то же время оба романа подвергают эти стереотипы критике, демонстрируя их ограниченность и связь с механизмами стигматизации. Кроме того, стоит заметить, что лаконичность изображения персонажей отвечает требованиям жанра к лаконичности образа-«маски».

3. Национальные языки выступают ключевым маркером национальной идентичности, их роль в судьбе героев четко отражает теорию «трех поколений», а именно утрату языка вторым поколением. Ни Юхан, ни Агнета не владеют саамским или меянкиели, хотя представители старшего поколения все еще регулярно обращаются к ним в повседневной жизни.

4. Элементы традиционной культуры (мифология, национальная кухня, музыка) выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они служат осколочными напоминаниями об утраченной целостности культурного кода, с другой – их фрагментарность и смешение подчеркивают степень ассимилированности и символизируют «суррогатность» попыток возрождения национальной культуры в глазах старшего поколения.

Таким образом, социальный шведский детектив Ч. Экман и Л. Марклунд выступает мощным инструментом рефлексии наследия шведской национальной политики в отношении этнических меньшинств. Через стереотипизированные, но критически осмысленные образы персонажей «второго поколения», утративших язык и связь с культурными корнями, авторы раскрывают глубину травмы ассимиляции, проявляющейся в кризисе идентичности и социальной уязвимости. Утрата национальных языков и традиционной культуры подчеркивает трудности подлинного возрождения. Исследование подтверждает, что шведский социальный детектив остается актуальной формой для презентации неоднозначных эпизодов национальной истории и постановки проблем в современном поликультурном обществе.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении репрезентации национальных меньшинств другими авторами шведского и скандинавского детектива, чьи произведения посвящены этой проблематике, а также в проведении сопоставительного анализа образов меньшинств в национальных литературах (Норвегии, Финляндии, России). Подобный компаративный подход позволит как углубить понимание общих закономерностей и национальной специфики в репрезентации коренных народов Севера, так и сравнить стратегии критического осмысления этнических стереотипов в различных литературных традициях.

Материалы исследования | Research materials

1. Марклунд Л. Полярный круг. М.: Городец, 2022.
2. Экман Ч. Происшествия у воды. СПб.: ИНАпресс, 1996.

Источники | References

1. Вулис А. В. Поэтика детектива // Новый мир. 1978. № 1.
2. Дорофеева Е. А. О проекте «Нордбук» издательства «Городец» // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2022. Вып. 7.
3. Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11.
4. Кобленкова Д. В. Типология шведского романа второй половины XX – начала XXI века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.710>
5. Кобленкова Д. В. Шведская литература последней трети XX – начала XXI в. // Новый филологический вестник. 2010. № 1.
6. Новикова М. Л. Аксиология художественного пространства сквозь призму геопозитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1.
7. Осьмухина О. Ю. «Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив: дискуссионный аспект изучения // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265>
8. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
10. Тихонова О. В. Скандинавский детектив // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-3.
11. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки. М.: Индрик, 2005.
12. Bodrogi E. M. Modernization and Language Loss in the Meänkieli Community Revista Română de Studii Baltice și Nordice // The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies. 2020. Vol. 12. № 2. https://doi.org/10.53604/rjbnsv12i2_4
13. Broomans P. Writing Sámi Memory and Trauma into Swedish History: Linnea Axelsson's *Ædnan*. Epos (2018) and Elin Anna Labba's *Herrarna Satte Oss Hit*. Om Tvångsförflyttningar i Sverige (2020) // Scandinavistica Vilnensis. 2023. № 17 (3).
14. Dancus A. M. Sámi Identity across Generations: From Passing for Nordics to Sámi Self-Exposure // Journal of Critical Mixed Race Studies. 2022. № 1 (2).
15. Ridanpää J. Why save a minority language? Meänkieli and rationales of language revitalization // Fennia – International Journal of Geography. 2018. № 196 (2).
16. Romanovskaya I. Northern text of Swedish literature through the prism of geopoetics // Scandinavian Philology. 2024. Vol. 22. № 2.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01401 «Поэтика Севера в творчестве русских и скандинавских писателей XX-XXI вв.».

This publication was prepared with funding from the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01401 “Poetics of the North in the works of Russian and Scandinavian writers of the 20th-21st centuries”.

Информация об авторах | Author information**Коновалова Мария Александровна¹**¹ Петрозаводский государственный университет**Mariia Aleksandrovna Konovalova¹**¹ Petrozavodsk State University¹ konovmasha@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 26.08.2025; опубликовано online (published online): 19.09.2025.

Ключевые слова (keywords): скандинавский детектив; социальный детектив; романы Ч. Экман и Л. Марклунд; литература севера; репрезентация национальных меньшинств; Scandinavian detective; social detective; novels by Kerstin Ekman and Liza Marklund; literature of the North; representation of national minorities.